

МИХ. ЛЕМКЕ

ДУМЫ
ЖУРНАЛИСТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ М. В. ПИРОЖКОВА

Вас. Остр., 3 л., д. 10

—
1903

М. В. Пирожковъ и К^о.

Спб., В. О., 3 л., д. 10.

(„Литературная Книжная Лавка“).

«БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВІЙ». — «ОТКРЫТІЕ ЗЕМЕЛЬ».

Подъ ред. П. А. Берноса.

Сильная дѣятельность, проявленная въ послѣднее время какъ нашимъ отечествомъ, такъ и другими государствами въ изслѣдованіи малоизвѣстныхъ странъ, вызвала снаряженіе различныхъ экспедицій. Экспедиціи эти зачастую кромѣ чисто научныхъ цѣлей преслѣдуютъ и торговопромышленныя, изыскивая новыя рынки для сбыта товаровъ своихъ отечественныхъ странъ. По возвращеніи, богатый матеріалъ, собранный въ малокультурныхъ и дикихъ странахъ, обрабатывается и издается въ свѣтъ, руководя такимъ образомъ часто фабриканта и промышленника въ выдѣлкѣ того или другого товара или въ направленіи его въ извѣстныя страны, гдѣ въ немъ есть потребность.

Къ сожалѣнію, Россія, несмотря на различныя мѣры, принимаемыя для развитія ея торговопромышленной дѣятельности, не можетъ еще выдерживать конкуренціи съ своими западно-европейскими соперниками. Такое положеніе дѣла есть слѣдствіе различныхъ причинъ, въ обсужденіе которыхъ мы не будемъ входить, но, по нашему мнѣнію, недостатокъ въ русской литературѣ подлинныхъ описаній путешествій какъ нашихъ отечественныхъ изслѣдователей, такъ и иностранныхъ, въ переводѣ, тормозитъ дѣло торговли Россіи съ иностранными государствами.

Кромѣ того, русское юношество да и вообще все русское общество лишено такимъ образомъ особаго рода литературы, способствующей развитію духа инициативы и энергіи въ исполненіи своихъ плановъ, дающаго часто высокіе образцы безкорыстнаго служенія идеальнымъ стремленіямъ человѣчества и представляющаго въ то же время увлекательное чтеніе.

Предпринимая изданіе „Библиотека путешествій“. — „Открытие земель“, мы вмѣстѣ съ современными изслѣдованіями, отвѣчающими на интересующіе общество вопросы, дадимъ также рядъ описаній классическихъ путешествій Ливингстона, Кука, Франклина и др., не существующихъ въ изстоящее время на русскомъ языкѣ, или изданныхъ въ извлеченіяхъ и пересказахъ.

Стремясь слѣлать наше изданіе какъ можно болѣе привлекательнымъ и доступнымъ, мы широко будемъ снабжать его иллюстраціями, не жалѣя расходовъ на внѣшность книгъ, и выпускать періодически (по подпискѣ), при чемъ въ первый годъ будетъ выпущено 6 книгъ, въ среднемъ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ въ каждой, стоимостью отъ 2 р. до 2 р. 50 к. Изданіе будетъ выпускаться въ изящныхъ переплетахъ.

Печатается описаніе гренландскихъ путешествій Пири: „Сивозъ льды нъ сѣверу“ и готовится къ печати: „Африка и ея изслѣдованіе“. При подпискѣ вносятся 3 р.

Складъ изданія и подписка у М. В. Пирожкова, Спб., В. О., 3 л., д. 10
(„Литературная Книжная Лавка“).

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Leake, William
Constitutional

ДУМЫ ЖУРНАЛИСТА

PN

5216

217

118

113

Tacks
Feb
alt- Sick St Pub Lib
7-25-74
1 073125-293

«Паче всего люби родную литературу
и званіе литератора предпочтай всякому
другому».

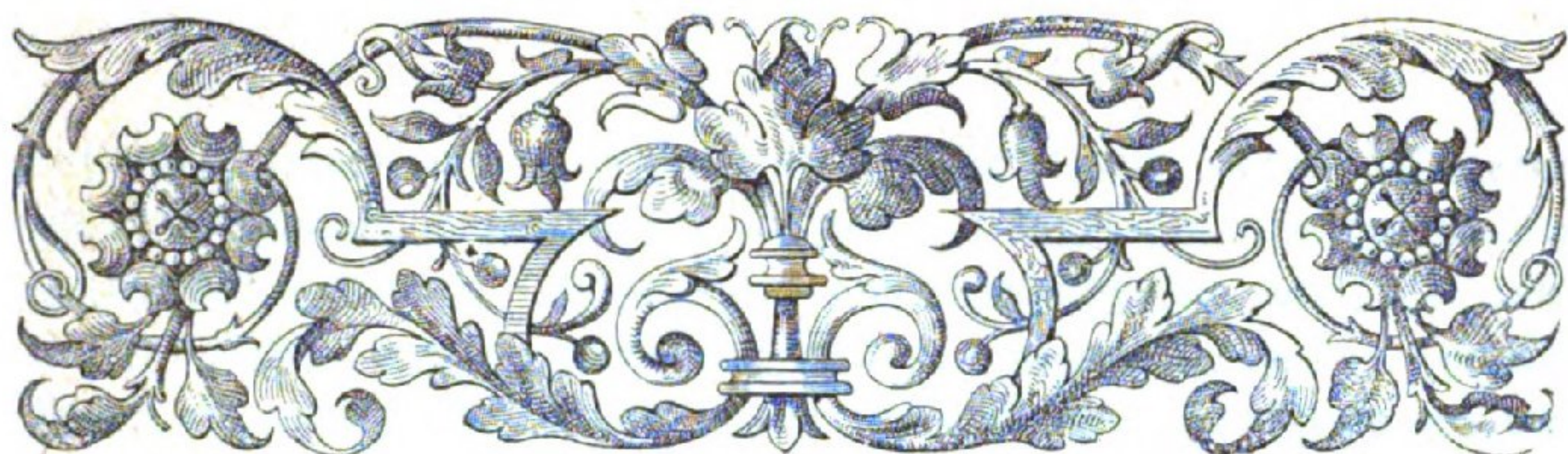
Салтыковъ.

«Я очень цѣню и размышленія г. Мереж-
ковского о символистахъ, и взгляды г. Спа-
совича на Гёте, но, признаюсь, одинъ ма-
ленькій рефератъ о литературной чести съ
иллюстраціями изъ русской дѣйствитель-
ности я прослушалъ бы съ большимъ удо-
вольствіемъ».

Михайловскій.

«Рисуютъ тѣни, свѣта никогда не ри-
суютъ».

Берне.

Не надо быть особенно наблюдательнымъ и обладать выдающеюся способностью дѣлать обобщенія, чтобы не замѣтить одной черты, общей всей русской журналистикѣ. Это — почти полное игнорированіе условій и обстановки ея собственной современной дѣятельности. Нѣсколько статей о statu quo цензуры и свободѣ печати, нѣсколько статей, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ и единичнымъ фактамъ сложной жизни журналистики—вотъ все, что пока у насъ есть. Широкаго освѣщенія этой жизни, вдумчиваго анализа очень разнообразныхъ нуждъ и потребностей журналистики, ея болѣзней и язвъ, разоблаченія того закулиснаго міра, который скрывается за нѣкоторыми печатными листами—ничего этого почти нѣтъ, особенно въ сколько-нибудь систематизированномъ, обобщенномъ видѣ. Мало ли, много ли, но мы говоримъ обо всемъ, о чемъ еще *можемъ* говорить—и это, конечно, наша громадная заслуга,—молчимъ же *добровольно* только о журналистикѣ, о самихъ себѣ, о своей собственной рубашкѣ. Неужели потому, что послѣдняя не такъ близка къ нашему тѣлу? Неужели не о чемъ говорить? Можетъ быть, неинтересно? Или бесполезно?

Разумѣется, на всѣ эти и другіе аналогичные вопросы можно и должно отвѣчать только отрицательно. «Какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе литературы, но все еще не цѣнимъ

его достаточно: она неизмѣримо важнѣе почти всего, что старится выше нея». Этимъ словамъ Чернышевскаго полвѣка, но мы все еще не усвоили ихъ достаточно твердо. Журналистика — такая крупная и значительная область культурной жизни личности и общества; такое всеобъемлющее, по своей идеѣ, проявленіе умственной, нравственной и граждански-политической ихъ зрѣлости; такое колоссальное средство для поднятія въ человѣкѣ интересовъ не только своей собственной колокольни; такое, наконецъ, громадное, по вкладываемымъ въ него силамъ свободныхъ интеллигентныхъ людей, дѣло, что ея нужды и интересы не могутъ не быть нуждами и интересами всего общества, а ея болѣзни и язвы должны побуждать каждого члена общества стремиться къ ихъ излѣченію. Лѣчить журналистику значитъ лѣчить общественную жизнь, значитъ создавать болѣе нормальныя условія проявленія общественного мнѣнія. А въ послѣднемъ-то и самое важное значеніе журнализма. По совершенно вѣрному замѣчанію Б. Чичерина, — «нѣтъ болѣе могущественнаго орудія для образованія общественнаго мнѣнія. Серьезныя книги вообще не читаются массою; добытые ими результаты нужно размѣнять на мелкую монету, чтобы сдѣлать ихъ доступными огромному большинству людей. Это — одна изъ задачъ журнализма. Онъ распространяетъ политическую мысль въ краткой и общепонятной формѣ посредствомъ непрерывнаго повторенія, что всего сильнѣе дѣйствуетъ на обыкновенныя умы. Доставляя публикѣ ежедневную пищу, онъ дѣлаетъ политическіе интересы насущною потребностью общества. Книги выходятъ рѣдко, читаются и часто забываются; журнализмъ поддерживаетъ постоянное участіе къ дѣлу, постоянное напряженіе мысли. Наконецъ, при непрерывномъ теченіи дѣлъ онъ одинъ можетъ соединить разсѣянныя сужденія въ общее направленіе. Особенность нашего вѣка и отличіе его отъ всѣхъ предыдущихъ историческихъ эпохъ ни въ чемъ не проявляются такъ ярко, какъ въ чрезвычайномъ развитіи журнализма. Имъ массы призываются къ умственной дѣятельности; посредствомъ него мысль проникаетъ всюду, быстро облетая не только цѣлую страну, но

и противоположные концы міра. Здѣсь является возможность такого общаго возбужденія и такого совокупнаго дѣйствія общественныхъ силъ, какъ ни при какихъ другихъ условіяхъ» ¹⁾).

Но и я не ставлю своей цѣлью всестороннее, всюду вскрывающее самую подоплеку явленій и вопросовъ изложеніе. Я ограничиваюсь своимъ собственнымъ опытомъ, собственными внимательными наблюденіями, своими мыслями. Моя работа не есть, разумѣется, характеристика *всей* печати, мои впечатлѣнія субъективны. И, все-таки, я думаю, что она прольетъ, свѣтъ на очень и очень многое. Предвижу, что нѣкоторыми господами мнѣ будутъ дѣлаться упреки за выметаніе сора изъ литературной избы, но развѣ есть такой соръ и такая изба, которыхъ бы не слѣдовало разлучать? Тѣмъ, кто будетъ возражать наличностью свѣтлыхъ явленій, — а ихъ много, къ счастью! — отвѣтитъ прежде всего одинъ изъ эпитафьевъ.

Впрочемъ, такъ какъ эти слова Берне являются краткимъ выраженіемъ самаго метода моей работы, я готовъ дать имъ болѣе подробное объясненіе. Передъ человѣкомъ, собравшимся говорить о нашей журналистикѣ, лежатъ двѣ ея неравныя области: положительная и отрицательная. Полный ея обзоръ, всесторонняя характеристика не могутъ быть совмѣщены съ концентрированіемъ вниманія на одной изъ областей. Ну, а если не полный? Тогда, разумѣется, одна изъ нихъ: или шуйца, или десница. Имѣетъ-ли, однако, журналистъ на это право? По-моему, да. Врачъ лѣчитъ больного, съ здоровыми ему дѣлать нечего. Каждый журналистъ, становясь въ положеніе публициста по любому вопросу окружающей его жизни, все свое вниманіе обращаетъ на то, что требуетъ измѣненій, поправокъ, реформъ, и если онъ не того пресловутаго литературнаго толка, который, выискавъ «свѣтлыя явленія», старается вызвать и «бодрящія впечатлѣнія», — онъ никогда не занимается славословіемъ существующаго, ему и безъ того работы по горло. Что хорошо, то вполне нормально для прогрессирующей общественной жизни, и говорить о немъ значитъ ломиться въ открытую дверь. Обществу, по крайней мѣрѣ, такая работа не

¹⁾ «О народномъ представительствѣ», 1899 г., 656.

нужна: оно само видитъ хорошее и всегда само умѣетъ его оцѣнить. Впрочемъ, пусть даже такое объясненіе своихъ обязанностей неправильно, — но оно традиціонно, и не одинъ изъ журналистовъ иначе не поступаетъ. Почему же поступить не такъ тому, кто въ качествѣ объекта своего изслѣдованія беретъ самое журналистику, какъ одну изъ крупнѣйшихъ областей общественной жизни? Публицисты «недѣлинскаго» толка понесли уже достаточное осужденіе, къ ихъ способу работы уже никто не прибѣгаетъ, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь систематически. Наконецъ, можно ли серьезно говорить о томъ, что кто-либо изъ насъ, журналистовъ, не въ правѣ избрать лишь ту или другую область жизни, одну ея сторону? Важно только, чтобы это не прикрывалось «всесторонностью». Свобода — необходимое условіе честной работы. Пусть кто-нибудь другой возьмется за «свѣтъ»; по-моему, повторяю, это обществу *сейчасъ* не нужно. Солнце ничѣмъ не освѣтитъ. Публицистъ — врачъ, печать — клиника. Обоимъ съ здоровыми дѣлать нечего. Здоровые живутъ внѣ лѣчебницъ и больницъ.

Если въ моей книжкѣ читатель не найдетъ «свѣтлыхъ явленій» и не получитъ «бодрящихъ впечатлѣній», то это, конечно, далеко не значить, что они отсутствуютъ въ жизни русской журналистики. Нѣтъ! Съ гордостью, съ полнымъ правомъ, совершенно открыто русское общество можетъ и должно высоко цѣнить — и развѣ не цѣнить!? — лучшую часть нашей журналистики, лучшихъ, свѣтлыхъ ея дѣятелей. Общество не можетъ забыть и, разумѣется, не забудетъ, что она дала ему и даетъ каждый день съ надеждой всегда продолжать свою не легкую работу, съ твердымъ и сильнымъ желаніемъ, несмотря на массу тормозовъ и неодолимыхъ препятствій, превращать ее въ необходимое условіе общественнаго прогресса. Больше — только существованіе такой именно доблестной, стоящей на славномъ посту печати и можетъ стимулировать каждого, борющагося съ другою ея частью. *Борьба эта и серьезна, и целесообразна, и своевременна именно потому, что у насъ есть не только идеалъ честной журналистики, но и его сильное реальное осуществленіе.*

Я предвижу одно снаружи какъ будто и вѣское возраженіе о несвоевременности моихъ записокъ, когда приходится, де, бить лежачаго и т. д. Но эта несвоевременность только кажущаяся.

Во-первыхъ, подъ вліяніемъ всего происходящаго уже не первое десятилѣтіе, я далеко не такъ оптимистически настроенъ, чтобы думать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ журналистика сможетъ не только встать, но даже просто присѣсть, слегка приподняться. Нужно понять, что ея лежащее положеніе должно быть признано условіемъ *sine qua non* ея теперешняго и сравнительно продолжительнаго будущаго существованія. А разъ такъ, то, вѣдь, лежать обязательно для всѣхъ. Почему же одни изданія и журналисты лежатъ въ грязи, другіе—на чистомъ пескѣ, третьи—на свѣжей травѣ?... Такъ пришлось? А не потому-ли, что каждый упалъ близъ того мѣста, гдѣ стоялъ или сидѣлъ?... Не потому-ли, что часто и безъ воздѣйствія «стороннихъ» обстоятельствъ хотѣлось лежать именно въ вонючемъ болотѣ?! По моему, да. Для поясненія позволю себѣ перефразировать суворовскую поговорку: «разъ стороннія обстоятельства, два раза стороннія обстоятельства, помилуй Богъ! надо же когда-нибудь и цемножко своего собственнаго»...

Во-вторыхъ, все содержаніе книжки совершенно ясно подчеркнетъ, о *какой* части журналистики я говорю, о *какихъ* ея грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ. Пусть прочтя ее, а не то, чего въ ней нѣтъ, скажутъ мнѣ, что я взвалилъ на *всю* журналистику чужую вину, заставляю ее отчитываться собственными боками за чужіе кулаки. Эта сторона мнѣ кажется выясненной достаточно, если и не вездѣ одинаково рельефно. Жить такъ, какъ мы живемъ сейчасъ, повторяю, по-моему, намъ придется не одинъ годъ, а потому замалчивать жизнь извѣстной части журналистики несправедливо именно передъ обществомъ. Когда послѣднее живетъ при наличности полной свободы слова, оно не такъ нуждается въ освѣщеніи быта печати, какъ при отсутствіи этой свободы. Общество въ правѣ, оно должно требовать отъ журналистики всей той высокой службы, которая еще совмѣстима съ ея юридическимъ положеніемъ. Прикрываясь совер-

шенно искренно несвоевременностью, мы можемъ дойти—я въ этомъ глубоко убѣжденъ—до того состоянія, когда уже невозможны станутъ никакія поправки и улучшенія.

Я почти не буду касаться такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ, потому что очень мало знаю ихъ внутреннюю жизнь, въ моихъ воспоминаніяхъ они не занимаютъ виднаго мѣста. Это, конечно, не значитъ, что по пути я не затрону многихъ вопросовъ, общихъ газетамъ и журналамъ. Насколько легко раздѣляются эти два міра наружно, настолько тѣсно они связаны общностью сотрудниковъ и многими принципиальными сторонами. Я исключаю только тѣ вопросы и явленія, которые нужно считать специфической принадлежностью «толстыхъ» журналовъ.

Не могу, наконецъ, не сдѣлать еще одного замѣчанія.

Современное интеллигентное общество справедливо не смотритъ уже на русскую печать вообще, въ частности на газеты, поставленныя въ нынѣшнія политическія условія ихъ существованія, какъ на одно изъ радикальныхъ средствъ для совершенствованія существующаго порядка вещей. Въ данный моментъ оно просто не видитъ возможности такой роли для печати. И, что особенно важно—это общественное убѣжденіе не есть результатъ недовѣрія или неуваженія къ русской печати настоящаго вообще. Нѣтъ, такое убѣжденіе сложилось, особенно за послѣдніе годы, совсѣмъ по другимъ причинамъ, благодаря которымъ, дѣйствительно, роль, особенно газетъ, сведена теперь почти исключительно къ черной работѣ.

Но слѣдствіемъ такого, повторяю, справедливаго, взгляда на печать явилось часто индифферентное отношеніе къ тѣмъ или къ другимъ, часто общественнаго характера, недостаткамъ періодическихъ изданій и ихъ представителей. И вотъ тутъ-то, по моему, обидная ошибка перспективы.

Совершенно вѣрно, всей совокупностью условій, подъ натискомъ и ударами которыхъ печати, какъ бильярдному шару, приходится ударяться своими боками о различные борты стола, она, сильно изувѣченная, поневолѣ обратилась на путь черной

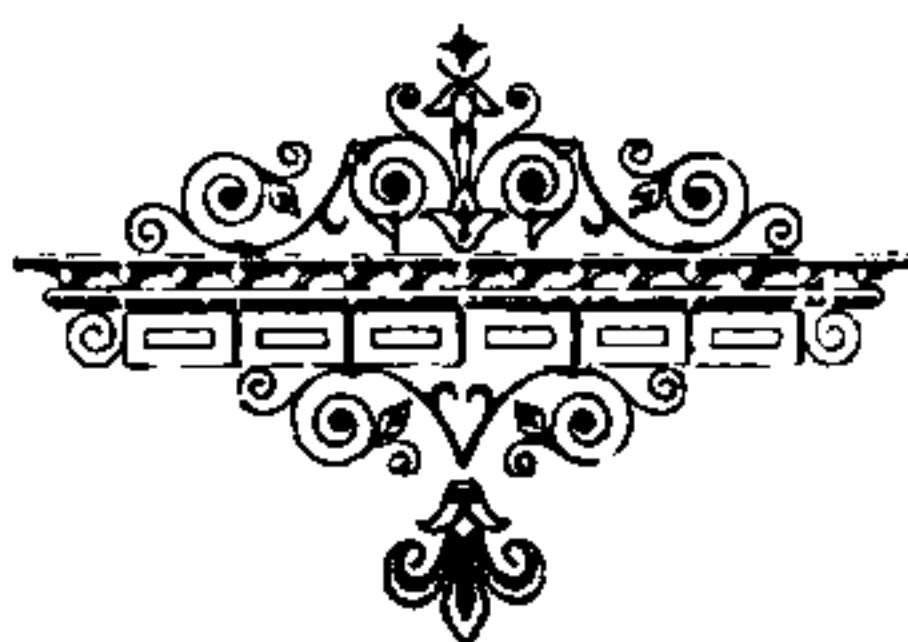
работы; но, вѣдь, послѣдняя, все-таки, и очень серьезна, и очень почетна, и очень отвѣтственна.

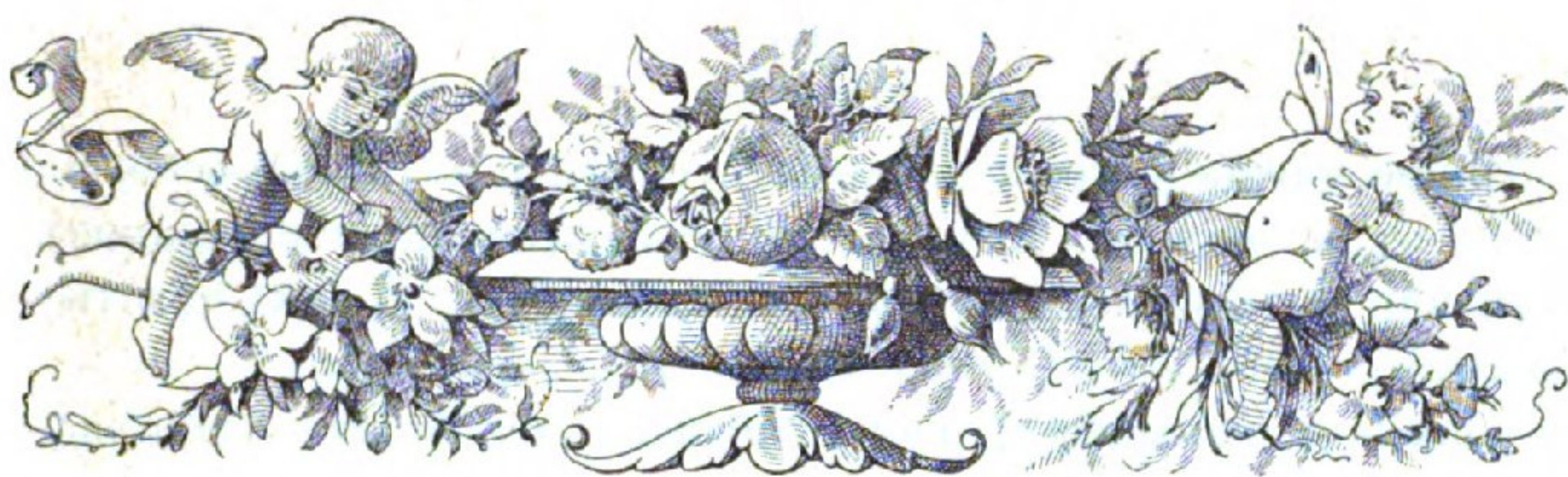
Серьезна потому, что, какъ подробнѣе будетъ выяснено дальше, русская газета сплошь и рядомъ—школа. Почетна потому, что создавать кадры будущаго умственнаго, нравственнаго, а слѣдовательно, и общественнаго обновленія—задача, несомнѣнно, крайне высокая. Отвѣтственна потому, что политически-общественное просвѣщеніе и воспитаніе массъ налагаетъ на просвѣтителей очень много обязанностей, изъ которыхъ едва ли ни первая — ихъ собственная интеллектуально-этическая высота, политическая зрѣлость и подготовленность.

А все это, конечно, не только можетъ, но и должно возбуждать въ обществѣ безусловное и неослабѣвающее вниманіе къ печати, какъ къ исполнительницѣ такихъ важныхъ для настоящаго и будущаго цѣлей. Не смотрѣть на современную русскую газету, какъ на существенный факторъ общественнаго прогресса, все-таки, никакъ нельзя, если только господствующее въ обществѣ понятіе сущности этого послѣдняго правильно. А разъ такъ, то общество обязано настойчиво требовать отъ дѣятелей печати всего, безъ чего немыслимо именно такое ея значеніе. Одно дѣло — не считать печать передовымъ и сильнымъ бойцомъ дня, другое — непростительный индифферентизмъ къ ея невольно болѣе скромной, по наружному эффекту, работѣ.

Я совсѣмъ не поклонникъ кислосладкой теоріи «малыхъ дѣлъ» и поставленное выше свое убѣжденіе мотивирую совершенно не на ея почвѣ. Какъ бы то ни было, но и современная печать есть единственный путь для открытаго выраженія хоть части общественнаго мнѣнія. Ну, а не слѣдить за выраженіемъ его общество не можетъ, не въ правѣ. Индифферентизмъ, какъ результатъ чувства неудовлетворенности передовыхъ рядовъ интеллигенціи современной печатью—гибеленъ для той колоссальной массы, съ которой нѣкоторая часть печати бесѣдуетъ безъ широкаго общественнаго контроля и вліянія.

Эти-то послѣднія соображенія, главнымъ образомъ, и побуждаютъ меня взяться за усиленное освѣщеніе нуждъ и злобъ журналистики, чтобы постараться обратить на нихъ общественное вниманіе.

I.

«Редакція газеты «Степной Край» въ полномъ составѣ оставляетъ газету, не имѣя возможности работать при существующихъ условіяхъ. Просимъ другія редакціи перепечатать это письмо».

«Антидъ-Ото, М. А. Бернъ, Г. Германъ-Сибирякъ (Г. И. Николаевъ), Е. П. Добровольскій, Игла, Котовичъ, В. Кычатый, Т. Марковичъ, Машковъ, В. Д. Митричъ (Соколовъ), Т. Павловичъ, Петрованъ, В. Простый, Т. Сергѣевъ, Сибирскій, Слово, Самойловичъ, Н. Степнякъ, С. Ч—въ, Ефимъ Янтарева, Ульевъ, Верстаткинъ, Нечай и др.»

«Сиб. Жизнь.»

По мѣрѣ пріобрѣтенія наблюденій и опыта каждому, по-моему, становится ясно, что первая и главная причина многихъ отрицательныхъ сторонъ въ жизни того или другого изданія—общее всей печати юридическое положеніе. Эта мысль до того проста и элементарна, что позволяетъ обходить какія-либо ея доказательства. И, конечно, бѣгло вспоминая все то, что мнѣ пришлось видѣть и испытать, я еще тверже, чѣмъ читатель, сознаю, какого детальнаго изслѣдованія заслуживаетъ это условіе всей нашей литературной жизни и дѣятельности. Его громадная важность побуждаетъ, казалось бы, отвести этому колоссальному вопросу и вполне соответствующее мѣсто. Но его можно только набросать, предоставляя выводы самому читателю. По понятнымъ обстоятельствамъ, я буду кратокъ.